ФЕЛИКС ВИБЕ

КТО МЕНЯ ОКЛЕВЕТАЛ

ФЕЛИКС ВИБЕ

КТО МЕНЯ ОКЛЕВЕТАЛ?

РАССКАЗЫ, СЦЕНКИ

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК 1964

АВТОР О СЕБЕ

Человек, заразительно смеющийся в полном одиночестве,— большая редкость. Лучше всего этим заниматься в коллективе. Вот почему я считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность всем моим друзьям, с которыми я незаметно просмеялся 35 лет своей жизни.

Иными словами: родился в 1928 году.

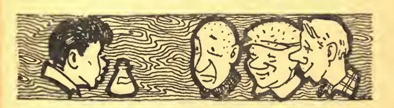
В 1953 году окончил Уральский государственный университет им. Горького, о котором всегда думаю с любовью. Там я впервые написал несколько эстрадных миниатюр для самодеятельности.

После окончания университета два года работал в газете «Серовский рабочий». Остальную часть сознательной жизни работаю в Свердловском комитете по радиовещанию и телевидению.

Печатался в газетах и журналах «Крокодил» и «Урал».

Феликс Вибе

КАК ФЕДЯ СТАЛ ЗНАМЕНИТЫМ

Федя Востриков выключил станок и грустно посмотрел вслед уходящему товарищу. Товарищ вчера прогулял, и его вызвал к себе в кабинет начальник цеха. Наверное, дадут выговор.

«Везет же людям!» — подумал Федя.

Начальник цеха его ни разу к себе не вызывал. А между тем Федя давно уже искал случая поделиться с ним своей идеей новой расстановки станков на токарном участке. Дважды он пытался проникнуть в заветный кабинет, но оба раза неудачно. Первый раз начальник был занят тем, что распекал какого-то бракодела. А второй раз Федя просто оробел перед секретаршей.

Федя вытер руки ветошью и снял предохранительные очки. По дороге в столовую он остановился у доски объявлений и прочел: «Берите пример с новатора товарища Синякова, который внес 18 рационализаторских предложений. Позор прогульщику Полубанкину,

укравшему у государства в текущем году 46 человеко-часов!»

Рационализатора Синякова и прогульщика Полубанкина знал весь завод. О них постоянно писали стенная и многотиражная газеты. Они выступали на всех собраниях: один делился опытом, а второй каялся и обещал, что больше не будет. И главное — они беспрепятственно проходили в кабинет начальника цеха.

Федя же Востриков никому не был известен. Он не прогуливал, внес только 2 рационализаторских предложения и норму выполнял на 120—125 процентов. Одним словом, ему одинаково далеко было как до громкой славы Синякова, так и до сомнительной популярности Полубанкина.

Поесть Феде так и не удалось. В разгар трапезы двое рабочих внесли в столовую и прислонили к буфетной стойке огромный щит с красочным объявлением.

«Все на товарищеский суд,— прочел Федя,— над дебоширом и пьяницей...»

Востриков отложил ложку и поднялся из-за стола. В цехе он воровато огляделся по сторонам и, пригибаясь за токарными полуавтоматами, стал пробираться к химической лаборатории. Скрипнула дверь, и Федя оказался в царстве чистой науки. Он оглядел ряды пробирок, колб, банок. Взгляд его, сверкнув, остановился на реторте с техническим спиртом. Сотрудники лаборатории были на перерыве, и никто не мог помешать токарю Вострикову...

Когда Федя вернулся на токарный участок, он покачнулся в изумлении: на его рабочем месте стоял не один, а два станка, и оба были его.

— Меня н-не проведешь,— вслух сказал Федя.— Стану... много-гостаночником!

Он поставил сразу две заготовки и включил оба станка. Тотчас же раздался треск ломающегося резца, и Федя понял, что запорол обе детали. Два мастера Петра Семеновича вывели Федю из цеха...

На следующий день Федя, сминая в кулаке фуражку, стоял перед двухтумбовым столом начальника цеха. Начальник смотрел на него с заботливостью родителя и говорил:

— Бросай пить, Востриков, мы из тебя человека сделаем. Пойдешь на курсы повышения квалификации?

— Может быть, отдохнуть хочешь?— добавил председатель цехкома.— Есть путевка в Алупку.

Боря Совушкин, комсорг, сразу воодушевился и закричал:

— У тебя же артистический талант! Давай вместе поднимать самодеятельность!

— У меня предложение насчет перестановки станков,— робко сказал Федя.

Обогретый неподдельным человеческим участием он вышел из кабинета. По дороге на участок задержался у специального выпуска стенной газеты и с интересом рассмотрел новую карикатуру. В огромной бутылке небесно-голубого цвета лежал он сам, токарь Востриков.

Началась полоса Фединой «славы». Все чаще слышал Федя за своей спиной шепот:

— Тот?

— Тот!

— Который в бутылке?

— Он самый.

Федя стал получать персональные приглашения на все собрания и совещания. Начальник во время обхода цеха теперь обязательно подходит к Феде и первым здоровается. А на собраниях он говорит:

— В текущем квартале мы вырастили передовика производства Федора Вострикова. Он выполняет норму выработки на 120—125 процентов. По его предложению переставлены станки на токарном участке, что дает экономию в несколько тысяч рублей. А ведь совсем недавно Востриков страдал алкоголизмом. Но под благотворным нашим воздействием...

Федя в самом деле работает все лучше и лучше. Неудобно плохо работать, когда тебе уделяют столько внимания!

МЫ НЕДООЦЕНИВАЕМ ЯГУ...

Артиста ТЮЗа Семена Григорьевича Мухо-Мушинского отстранили от роли. Тридцать лет он играл Ивана-Царевича, и все было хорошо. Но однажды ху-

дожественный совет нашел, что эта роль не вполне соответствует индивидуальным особенностям дарования актера. Вспомнили, что Иван-Царевич, по мысли автора, должен отличаться грациозностью и стройностью. Мухо же Мушинский был толст, как голубой кит. Кроме того, артист все время сбивался на сиплый бас, чем пугал дошкольников в первых рядах партера.

Такое несоответствие удручало не только зрителей, но и самого Семена Григорьевича. Поэтому он кротко согласился с решением художественного совета.

— Какого черта,— совершенно правильно рассудил он.— Нельзя быть Царевичем всю жизнь.

Мухо-Мушинский готов был уступить дорогу молодым дарованиям с тем большим удовольствием, что ему поручили новую интересную работу — создать сложный образ Серого Волка. Артист с головой ушел в роль. Уже к очередному спектаклю он готов был предложить вниманию зрителей принципиально новую трактовку волчьего характера.

...Он сидел в грим-уборной и примерял матерчатые лапы с большими когтями. Дали третий звонок, но Семен Григорьевич не торопился. Серый Волк должен появиться на сцене лишь в конце третьего акта.

Скрипнула дверь, и в грим-уборную бесшумно вошла Баба-Яга второго состава. Она была известна далеко за пределами кулис, как страстная изобличительница всех и всяческих злоупотреблений.

— Сема,— сказала она,— мы не разговаривали с тобой восемнадцать лет. Но события последних дней заставляют меня забыть легкое недоразумение во имя священной борьбы за наши права. Они думают, что

мы потерпим издевательство над старыми кадрами! Никогда!

— О чем ты говоришь, Зина? — задумчиво удивился Мухо-Мушинский.

— Как о чем? О том, что тебя лишили любимой роли Ивана-Царевича!

— Послушай,— сказал Мухо-Мушинский,— если вот здесь, под волчьим комбинезоном, сделать рычаг, я смогу шевелить хвостом.

— Что?— закричала Баба-Яга.— И они издеваются над таким агнцем! Нет! Я поставлю на ноги общественность! И мы все, от гримера до трагика...

— Оставь,— устало сказал Семен Григорьевич.— Неужели ты будешь интриговать до девяноста девяти лет?

Но Яга уже бежала, цепляясь развевающимися одеждами за косяки дверей.

Мухо-Мушинский с уважением потрогал железный прут, который составлял основу хвоста Серого Волка. Несомненно, с помощью небольшой рационализации можно будет осуществить управление хвостом. Артист представил себе гром аплодисментов и строчки в газетной рецензии: «Следует отметить подкупающе правдивый образ Серого Волка, созданный артистом С. Мухо-Мушинским»...

В комнату постучали.

— Войдите!

Вошли три девушки. В спектакле они играли Гусей-Лебедей и поэтому в разговоре хлопали крыльями, как вспугнутые куры.

— Мы понимаем,— хором закричали Гуси-Куры,— как вам тяжело.

— О чем это вы?— не сразу понял Мухо-Мушинский.

— Это так благородно, что вы решили уступить роль Ивана Царевича Петьке Сазонову. Это его первая человеческая роль! Он чуть не постарел на Грибах-Мухоморах!

Девушки еще сильнее захлопали крыльями и закричали:

— Дорогой товарищ Мухо-Мушинский, уходя от нас...

— Послушайте, я еще не умер!— поморщился актер.

Три грации исчезли, а в дверь снова постучали деликатно, но настойчиво.

— Да,— без всякого энтузиазма сказал Семен Григорьевич и, обернувшись, встретился глазами с представителем месткома.

Этот улыбающийся человек с детства посвятил себя служению людям.

— Нам все известно,— сказал он.— По сигналу общественности меры приняты. Под протестом подписалось одиннадцать человек. Вас ущемили незаконно.

Потом в грим-уборной Мухо-Мушинского побывали Василиса Прекрасная и Кащей Бессмертный с соболезнованием.

В середине второго акта вошел главный режиссер театра.

— Мой дорогой, не печальтесь,— сказал он и включил репродуктор, доносивший голоса со сцены.— Такова судьба всякого великого артиста. Вот, например, меня раз пятнадцать начисто съедали завистники...

Главного режиссера сменил директор.

— Я в курсе, — сказал он,— но материально вы не пострадаете.

Директор тщательно раскурил папиросу и добавил доверительно:

— Поверьте, Семен Григорьевич, я не на стороне этого интригана Петра Сазонова, который, бравируя своей молодостью...

Когда последний посетитель вышел, Мухо-Мушинский почувствовал, что радость творчества безнадежно утрачена.

— Я должен загрызть этого выскочку!— вскричал он, решительно надел голову Серого Волка и побежал на сцену.

...Приближался конец второго акта, и Иван-Царевич и Баба-Яга очень удивились, когда на сцену из-за избушки на курьих ножках неожиданно выбежал Серый Волк. Вернее, даже не выбежал, а выпрыгнул замечательным волчьим скоком.

В зале кто-то тихо охнул. А Петька Сазонов, он же Иван-Царевич, бодро сымпровизировал:

— Здорово, Волк!

— Здравствуй, дружок!— громовым голосом ответил Мухо-Мушинский и в один прыжок оказался рядом с Царевичем.— Постой-ка я обниму тебя покрепче!

— Ах, как страшно! Серый Волк!— пропищала Баба-Яга, тщетно пытаясь обогатить пьесу более талантливым текстом.

Мухо-Мушинский заключил Ивана-Царевича в объятия и зашептал свирепо:

— Дай объяснения, Петр!

— Семен Григорьевич! Неужели вы поверили этим...

Между тем, Баба-Яга, оставшись не у дел, пыталась кое-как склеить рвущуюся нить действия. Сначала она всячески развлекала зрителей — прыгала, кувыркалась, стучала ступой. Но потом она заметила, что Петька и Мухо-Мушинский явно приходят к примирению и растерялась. А так как Бабе-Яге зрители не симпатизировали, то ее замешательство было отмечено неподдельным ликованием. Раздались аплодисменты.

— Ах ты интригантка! — закричал Мухо-Мушинский.

Он подбежал к Бабе-Яге и два раза тявкнул на нее по-собачьи. Актриса присела от изумления и попятилась. Послышался дружный смех.

— Правильно, Волк! — закричал кто-то с балкона.

Но артист уже не нуждался в поощрениях. Он обратил коварную Ягу в бегство и преследовал ее, подвывая от злости.

За кулисами главный режиссер топал ногами и кричал, что Мухо-Мушинский губит систему. Но зал бушевал, овации не смолкали. К тому времени, когда режиссер с пожарником наконец опустили занавес, Серый Волк стал героем спектакля. Обнявшись с Иваном Царевичем, он вышел на авансцену и, раскланиваясь, пошевелил хвостом. Это вызвало новый шквал смеха.

Мухо-Мушинский возвратился в грим-уборную и, не снимая волчьей головы, устало опустился в кресло перед зеркалом.

Робко постучавшись, вошел директор.

— Семен Григорьевич,— прочувствованно сказал он.— Такого успеха наш театр не знал с того момента, как тридцать лет назад, вас, юного Ивана-Царевича, закидали цветами на премьере. Товарищи правы: ваш талант нельзя замыкать узкими рамками волчьей шкуры. С завтрашнего дня вы снова Иван-Царевич, а Сазонова мы переведем на Волка.

Раздались аплодисменты. Это ликовали сторонники Бабы-Яги, без спросу набившиеся в грим-уборную. Но Мухо-Мушинский не разделил их радости. Он возмутился и даже, говорят, пытался кого-то укусить. Но это сведения не очень точные. Вполне определенно можно сказать только, что в ТЮЗе роль Ивана-Царевича до сих пор исполняет человек толстый, как голубой кит, а роль Серого Волка — некто совсем тощий.

Может быть, мы и в самом деле недооцениваем Бабу-Ягу?

КТО МЕНЯ ОКЛЕВЕТАЛ?

Сценка

Егор Егорович. Зиновий Павлович, здравствуйте, дорогой! Садитесь, пожалуйста. От души вас поздравляю.

Зиновий Павлович. С чем это?

Егор Егорович. А вот отгадайте. Радостное сообщение.

Зиновий Павлович. Зарплату увеличили?

Егор Егорович. Нет, не отгадали. Помните, вы на собрании говорили, что осточертели вам бумаги, что давно пора, засучив рукава, идти из конторы на производство? Так вот, мы вас, как опытного работника, как человека политически грамотного решили назначить начальником строительной площадки.

Зиновий Павлович. Спасибо. А где эта площадка?

Егор Егорович. В Кушве.

Зиновий Павлович. Ну, порадовали вы меня...

Егор Егорович. Я знал, что вы обрадуетесь.

Зиновий Павлович. Вы это серьезно, Егор Егорович?

Егор Егорович. Совершенно серьезно. Были трудности, конечно. Кое-кто возражал. Но я добился, чтобы ваша мечта осуществилась.

Зиновий Павлович. Правильно! Пра-виль-но!.. Давно надо поработать не как-нибудь, а по-настоящему.

Егор Егорович. Давно, Зиновий Павлович!

Зиновий Павлович. Причем, засучив рукава.

Егор Егорович. Да.

Зиновий Павлович. Все это так, но у меня же, понимаете, в Свердловске семья. Большая семья: я, жена... домработница... квартира... ванна. Две тетки в Нижнем Тагиле, а в Киеве дядька. Я человек, как видите, многосемейный. Со мной надо чутко, отзывчиво.

Егор Егорович. Это верно, Зиновий Павлович.

Это верно. Как же я раньше об этом не подумал? Для вас мы все сделаем.

Зиновий Павлович. Все сделаете?

Егор Егорович. Обязательно. Я займусь этим вопросом и уверен, что мы найдем работу на периферии не только вашим тетушкам и дяде из Киева, но и любому другому энтузиасту.

Зиновий Павлович. Правильно. Пра-виль-но!.. Но я, Егор Егорович, болен. Вот посмотрите сюда. Что, вы думаете, это такое? Вот тут болит. Ой! Ой! Знаю: думаете аппендицит. Нет, Егор Егорович, не отгадали. Аппендицит мне вырезали еще когда посылали в колхоз. А это у меня, понимаете, самая настоящая язва желудка. Иду, без промедления ложусь под острый операционный нож. Вот так. До свидания.

Егор Егорович. Ай-ай-яй! Как же можно так халатно, так преступно относиться к своему здоровью! Я прошу вас, я требую, Зиновий Павлович, чтобы вы немедленно шли к врачу и лечились.

Зиновий Павлович. Спасибо.

Егор Егорович. Желаю вам благополучно перенести операцию.

Зиновий Павлович. Спасибо, Егор Егорович. До свидания.

Егор Егорович. До свидания. Я лично проконтролирую, как вы лечитесь. А в Кушву поедете, когда выздоровеете.

Зиновий Павлович. Как в Кушву? Я же вам объясняю, Егор Егорович, я человек многосемейный: я, жена, квартира...

Егор Егорович. Ха-ха-ха! За что я вас люблю, Зиновий Павлович, так это за замечательную способ-

ность шутить. Конечно, квартиру в другой город не увезешь! Ха-ха-ха.

Зиновий Павлович. Хе-хе-хе. Правильно. Правиль-но!.. Но меня все равно нельзя посылать куда-то. Да, да! Вот вы говорите, якобы, я опытный работник. А какой там у меня, понимаете, опыт! Я же только бумаги все четырнадцать лет подписывал. Это каждый дурак сможет! Гнать надо в шею, понимаете, таких опытных работников. Вы говорите: дисциплинированный, а кто в прошлом году пропьянствовал целую неделю, а потом прикрылся бюллетенем? Все я! Ага, понимаете! И никакой я не политически грамотный. Невежда я. Газет даже не читаю. Как дикарь, чему учился — все забыл. Спросите меня, спросите, где Африка — не знаю. Вот до чего дошел! Весь морально разложился. Жену бью. Вот так, понимаете. Что? Скажете не убедительно? Или еще что-нибудь рассказать?

Егор Егорович. Нет, спасибо. Вполне достаточно. И как это мы раньше вас не разоблачили?

Зиновий Павлович. Мне можно идти?

Егор Егорович. Одну минутку. Сейчас я напишу вот эту бумагу.

Зиновий Павлович. Приказ, да?

Егор Егорович. Да.

Зиновий Павлович. Об освобождении меня от обязанности ехать на периферию?

Егор Егорович. Об освобождении вас от всех обязанностей. Вы уволены.

Зиновий Павлович. Правильно... Как?!

Егор Егорович. Как пьяница и случайный человек.

Зиновий Павлович. Это что шутка?

Егор Егорович. Нет, я как раз не умею шутить. Вы об этом знаете.

Зиновий Павлович. Случайный человек?! Ну, спасибо вам, Егор Егорович. Четырнадцать лет не щадил, понимаете, живота, горел на работе и вот дождался благодарности... Ни одного замечания не имел. Примером дисциплинированности был. Лучший общественник. А-а-а! Понимаю: это кто-то меня оклеветал! Но кто, кто оклеветал меня в глазах всего коллектива?!

СЧИТАЙТЕ, ЧТО ПРОТОКОЛА НЕ БЫЛО

— У человека и так уже было восемь увольнений,— сказал машинист завалочной машины Павел Журавлев и наморщил лоб. Он всегда морщил лоб, когда бригаде приходилось решать вопросы «государственной важности».— Теперь давайте мы его уволим.

Первый подручный сталевара Володя Аробей крайне возмутился.

— Ты, Пашка,— закричал он,— известный либерал! Если бы ты видел, что он вчера вытворял, ты бы так не говорил!

Все невольно посмотрели через стеклянную стену будки автоматики на рабочую площадку. Там в отблесках мартеновского пламени маячила щуплая фигура второго подручного Кузьмы Верхотурцева.

— У, стыдобище!— свирепо сказал Аробей и отвернулся.

Полгода тому назад они сами попросили зачислить хулигана Верхотурцева в их бригаду. Они не сомневались, что сумеют его перевоспитать. Но сталевары просчитались. Вчера Кузьма устроил очередной дебош. Получив зарплату, он купил несколько бутылок водки, кольцо краковской и двести граммов пряников. В городском парке культуры и отдыха сервировал этими яствами одну из скамеек и стал назойливо приглашать прохожих принять участие в трапезе. Быстро и основательно упившись, Кузьма запел:

По обычаю, по французскому,
Да по нашему, древнерусскому!..

Потом он выкрал в тире пневматическое ружье и обстрелял лучшие аттракционы.

На ловлю Кузьмы выделили две усиленные милиционерами группы дружинников. Нарушителя искали всю ночь, но не могли найти.

А утром он как ни в чем ни бывало вышел на работу.

Бригадир Иван Иванович сказал ему:

— Ты, Кузьма, тут подежурь, а мы пойдем тебя обсудим.

— А печь?— испугался Кузьма.

— Ничего, мы быстро: дело ясное.

Но дело оказалось далеко не такое уж ясное.

— Семья! Вы подумали о семье?— говорил Павел.— Нет, Аробей, протоколируй мое особое мнение. Двое детей не шутка. А этот «стрелок» не постесняется сесть на шею жене.

— А что мы еще можем сделать?— сердился Аробей.— Кто жучил Верхотурцева на всех пятиминутках? Мы. Кто водил его для повышения культурного уровня в драмтеатр? Мы. Кто хотел его устроить в школу рабочей молодежи без экзаменов? Мы. Кто добился, чтобы ему дали новую квартиру? Опять мы. И что же? Ничего. В школе он сломал парту, в драмкружке пропил в буфете общественные деньги. А на нашу критику он плевать хотел!

Открылась дверь, и в будку ворвались сначала Зина из экспресс-лаборатории, а потом шум и грохот мартеновского цеха. Зина выстрелила в Ивана Ивановича очередью слов и цифр.

— Углерод — двадцать сотых, фосфор — тридцать тысячных, сера — тридцать пять тысячных. И вас вызывают к телефону.

— Спасибо,— сказал Иван Иванович и вышел.

— Зина,— сказал Павел,— если ты будешь бегать по цеху так быстро, то не успеешь выйти замуж за сталевара.

Иван Иванович вернулся с недобрыми вестями:

— Из милиции звонили! Точка! Протоколируй, Владимир: «Коллектив бригады ходатайствует об увольнении...» и так далее. Сам знаешь. И дуй в отдел кадров, утряси это дело.

Но через полчаса Володя Аробей возвратился в цех. Мы были бы неправы, если бы сказали, что у него был вид победителя. Он отозвал в сторону Ивана Ивановича и Павла и закричал им в уши:

— Отдел кадров не возражает. Но вот в чем собака: у Кузьмы, оказывается, завтра день рождения.

— Гм!— сказал Иван Иванович.

Дело в том, что они неукоснительно соблюдали ритуал совместных праздников в дни рождения. При этом имениннику обязательно делали подарок из бригадного общественного фонда.

— Придется,— сказал Иван Иванович,— отложить до завтра. А завтра отнесем подарок, скажем об увольнении и уйдем.

— И все?— спросил Павел, на что-то намекая.

Иван Иванович внимательно посмотрел на него и догадался:

— Ну, что ж, возьмем пару бутылок. Но чтобы ни-ни!

Павел и Володя приняли позу оскорбленных невинностей.

— А уволить мы его все равно уволим,— сказал Иван Иванович.— Раз решили, запротоколировали — надо выполнять.

...С выражением удивления на лице работал Кузьма Верхотурцев этот и весь следующий день. Такого еще не было, чтобы в бригаде оставили без последствий хотя бы мелкое прегрешение.

...Вечером в дверь квартиры Верхотурцевых громко постучали. И когда внушительный голос Ивана Ивановича сказал: «Разрешите!», Кузьма понял, что возмездие настигло его в собственном логове. В по-

лупустой квартире мощные голоса сталеваров гремели, как речь прокурора в детективном фильме.

— Осторожнее, не отбей штукатурку!— кричал Павлу Володя Аробей.

Они внесли и установили посреди комнаты немыслимо пестрый диван-кровать. А Иван Иванович попросил у жены Кузьмы банку и поставил на стол букет нежно-розовых гладиолусов.

— Ну, поздравляем тебя, Кузьма,— хмуро сказал он.— Желаем успехов, так сказать.

— Черт с вами,— взорвался Кузьма,— делайте, что хотите, только не надо ехидства и издевательств.

— Какое ехидство?— удивился Иван Иванович.

Аробей выставил на стол две белоголовые бутылки и сказал:

— Какое может быть ехидство, когда мы пришли поздравить тебя с днем рождения.

— С каким днем?— удивился Кузьма.

На минуту все замолчали. Потом Маша, жена Кузьмы, заплакала. Кузьма посмотрел пристально на бригадира, на Машу, и его нос тоже предательски зашевелился. Но сталевары не любят недомолвок. Павел положил на стол несколько банок с консервами, кулек с помидорами и сказал:

— Забыл про собственный день рождения, поросенок!..

Иван Иванович лично разлил в граненые стаканы содержимое бутылок, и все выпили, с удовольствием закусывая помидорами. Потом они помогали Маше укладывать спать дочерей Кузьмы, которые без конца кувыркались и прыгали на новом диване. При этом Павел спел им колыбельную песенку собственного со-

чинения. И хотя это было невыносимо смешно, девочки, как ни странно, заснули.

Потом все вместе спели уже не колыбельную песню, и стали строго осуждать Павла за то, что он не оформляет рационализаторское предложение, которое бригада уже внедрила.

Аробей оттащил Ивана Ивановича в сторону и зашептал:

— Может быть, не надо, Иван Иванович!

— Да я уж сам думаю. Завтра придется...

А назавтра Кузьма встретил свою бригаду в бытовке.

— Я пораньше маленько пришел,— смущенно заговорил он.— Вот сбегал, рукавицы новые получил на всех....

Рукавицы бригада пыталась сменить давно, но, увы, безуспешно. Так что победу Кузьмы сталевары не могли не оценить. Они переглянулись, и разговор об увольнении автоматически был перенесен на следующий день.

А на следующий день Кузьма пришел на работу намного раньше гудка и один убрал кучу мусора, по поводу которой бригада вот уже раза три хотела объявить коллективный воскресник.

Когда пришли сталевары, он сказал им с детской непосредственностью:

— Вы — мне, я — вам. В эту получку приглашаю всех ко мне: устроим гигантский сабантуй. Ползарплаты на...

Кузьма выразительно пощелкал себя по кадыку.

Даже невозмутимый Иван Иванович растерялся. А Володя Аробей полез в карман за протоколом, что-

бы тут же зачитать постановление бригады и привести его в исполнение. Только Павел вдруг сказал:

— Спасибо, Кузьма. Обязательно придем. Только не в эту зарплату, а в следующую. Надо девочек твоих отправить в пионерский лагерь, а потом, конечно, можно.

— Верно,— сразу согласился Кузьма.— Жена говорила, что надо девчатам кое-что купить.

Аробей отвел Павла в сторону и закричал:

— Ты потакаешь низменным инстинктам!

— Спокойствие, мой друг,— твердо возразил Павел.

...Проходил день за днем, месяц за месяцем. Сумма положительных поступков, которые совершал Кузьма, все более увеличивалась, а «гигантский сабантуй» все откладывался по разным причинам. Наконец, на одном из цеховых собраний непримиримый Аробей вынужден был с трибуны констатировать:

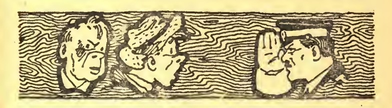
— На нашем заводе, товарищи, работают замечательные товарищи. Поговоришь по душам с отстающим товарищем — не такой уж он плохой товарищ, товарищи.

А когда однажды Кузьма Верхотурцев отнес в заводской БРИЗ предложение о новом методе футеровки свода мартеновской печи, Аробей достал из кармана спецовки сложенный вчетверо и изрядно потрепанный лист бумаги. Он сунул этот лист между двумя большими кусками железной руды, которую держал на весу завалочный кран, махнул рукой, и Павел направил мульду в пылающее жаром окно мартена.

Глядя на гудящее пламя, Володя Аробей крикнул:

— Считайте, что протокола не было!

Я РЕШИЛ БЫТЬ ВЕЖЛИВЫМ

Конечно, когда-нибудь в будущем все будут вежливы. Но на данном этапе еще очень многого нам недостает. В трамвае иной раз смотришь: одни грубияны едут. Ты ему сделаешь замечание:

— Если не выходишь на следующей, зачем стал в проходе, козел?

А он и пойдет, и пойдет...

А ведь если бы каждый контролировал свое поведение в общественных местах, мы бы выглядели совсем иначе. Я, например, с сегодняшнего дня решил быть предельно деликатным в каждом своем поступке. Надо же кому-то начинать!

Вот о чем я размышлял в телефонной будке, пока листал записную книжку в поисках нужного номера. Вот он наконец! Я немного помедлил, волнуясь, и набрал дорогое сочетание цифр. Ответил мужской голос. Брат? Отец? Сосед?.. Мне нетерпелось воскликнуть: «Дружище, позови-ка к телефону Олю!». Но вежливость прежде всего.

— Если вас не затруднит, я хотел бы попросить вас об одном одолжении,— сказал я.

— Пожалуйста.

— Вы очень любезны. Но если вам трудно, вы так прямо и скажите, я не обижусь.

— Нет, почему же.

— А то, вы знаете, есть такие случаи, когда соседи бывают очень недовольны. Или притворяются любезными, а за спиной клевещут.

— Кто клевещет?

— Нет, вы не подумайте ради бога, что я косвенно намекаю на вас. У меня нет для этого ни малейших оснований. Я с вами еще не знаком.

— Я тоже вас не знаю, и, признаться...

— Договаривайте, договаривайте. Я только поблагодарю вас за прямоту и откровенность.

— Собственно, что вы хотите?

— В самом деле. Простите. Совершенно верно. Я должен объяснить. Дело в том, что вчера в кинотеатре «Салют» я с ней познакомился. Нет, я сразу вас предупреждаю, что у меня исключительно честные намерения, и если я решился позвонить, то это вовсе не значит... Вы меня понимаете?

— Вполне. Кого вам надо?

— Надеясь на вашу скромность, я скажу вам честно, что хотел бы с ней поговорить... Я не слишком злоупотребляю вашим терпением?

— Договаривайте, черт возьми! Я все равно опоздал на работу!

— На работу?! Вы себе не можете представить, как я огорчен. Так вот она, Оля то есть...

— Какая Оля! У нас нет никакой Оли! Это молодежное мужское общежитие.

— Ах, простите, пожалуйста. Я должен вам сказать...

— Одну минутку. Тут подошел дежурный. Передаю ему трубку. Он, наконец, обязан выслушивать до конца каждого... А я пошел.

— Ты сам дурак,— сказал я подошедшему дежурному и повесил трубку.

Сквозь надпись на стекле: «Разговаривать не свыше трех минут» я увидел, что будка телефона-автомата окружена несколькими спиралями «дружелюбно» настроенной очереди. Я ведь не заставлял их тут ждать целый час! Прекрасно могли бы воспользоваться ближайшим автоматом в каких-нибудь пяти-шести трамвайных остановках отсюда.

Но хотя мне все это не очень понравилось, выходя, я заставил себя приятно улыбнуться и сказать:

— Извините, если я вас немного задержал.

— Немного?!

— Он еще издевается!— послышались голоса.

Если кто-то проявляет предупредительность, это не значит, что его может безнаказанно оскорблять любой грубиян. Я всегда могу постоять за свои убеждения! С такими мыслями я вцепился в волосы ближайшего ко мне любителя разговаривать по телефону.

Я не учел, что я был один, а нахалов — целая очередь. Теперь я сижу в милиции, и дежурный старшина составляет протокол. Я не возражаю, чтобы он зафиксировал: «нанес оскорбление действием нескольким незнакомым людям, в том числе пожилого возраста». Так оно и было. Но он пишет: «проявил невежливость и грубость». Вот скажите теперь, где искать правду? Ведь причина происшествия именно в том, что я, вопреки многим, решил быть вежливым и отстаивал это до конца.

КАК ПОБИЛИ РЕКОРД

— Не хочу я,— сказал Слава Мороз и стал царапать ногтем лак директорского стола.

— Да ты пойми, голова два уха,— рассердился Николай Петрович,— пойми, что больше выдвигать некого. Строгалей у нас двое: Сонька Несытых и ты. Сонька — дурочка, все смешки у нее на уме. Остаешься ты. А шумок некоторый... то есть рекорд, так сказать, в городском масштабе ой-ой-ой как нам нужен! Станок тебе поставим самый новый. Двух подсобников определим, пусть заготовки таскают. Пусть и устанавливают их на станок, пусть бегают за резцами и стружку убирают. А ты только кнопочку будешь нажимать, осуществлять общее руководство, хе-хе-хе... Но чтобы завтра было пять норм. Не меньше! К концу смены придут корреспонденты тебя фотографировать. А на телевидение вместе поедем выступать. И пусть кто-нибудь еще скажет, что мы не растим новаторов!

— Не могу я,— плачущим голосом сказал Слава,— не могу, неудобно перед товарищами.

Но Николай Петрович счел вопрос решенным и позвонил секретарше в знак окончания аудиенции. Он был директором доброй старой закалки, и те, кто ему

возражали, неизменно оказывались вне заводской территории.

Любимым каламбуром Николая Петровича была фраза:

— Не желаешь? А по собственному желанию?..

Слава Мороз побрел в цех.

На его рабочем месте царил беспорядок большой стройки. Старый станок был убран, и из бетонного фундамента, как руки потерпевших бедствие на море, торчали погнутые анкерные болты и стальные прутья арматуры. А многотонный мостовой кран уже тащил, позванивая, новый матовый от смазки строгальный станок.

На следующее утро, когда Мороз пришел на работу, два подсобника кончали обтирать станок ветошью. Рядом бригада маляров красила розовой краской персональный шкафчик для инструментов. На специальном стеллаже лежала гора заготовок, хотя обычно их всегда не хватало. Ближе к окнам стояла кадка с гигантским фикусом.

— Нет,— пробормотал Слава,— нет. Обманывать людей я не стану. Выполню полнормы — и баста.

Но все пошло по-иному. Едва Слава поставил заготовку и нажал кнопку, как станок запел так четко и ритмично, что Славе неудержимо захотелось испробовать его на максимальных режимах. Он увеличил подачу, и деталь была изготовлена мгновенно. На таком замечательном оборудовании он еще никогда не работал. Руки его сами потянулись за очередной заготовкой, потом за следующей. Слава увлекся, и подсобники едва успевали подносить одну заготовку за другой.

Одним словом, когда цеховая сирена возвестила о конце смены, нормировщик несколько театрально указал рукой на большую гору обработанных деталей и объявил всем собравшимся:

— Строгаль Станислав Мороз выполнил восемь с половиной норм!

Щелкнул фотоаппарат.

Это прибывший на место установления рекорда корреспондент сделал первый снимок. Потом он снял Славу рядом с директором. Потом крупно снял директора и крупно станок. И еще раз снял Славу в позе охотника, убившего льва.

Одним словом, торжество получилось на славу. Правда, чуть не испортила все Сонька Несытых.

— А малую механизацию почему не снимаете?— крикнула она.

— Какую механизацию?— осведомился корреспондент.

— Которая автоматически заготовки подтаскивает!

С этими словами Сонька вытолкнула вперед двух подсобников.

Но скандала не получилось. Корреспондент сфотографировал и подсобников.

Через день в газете появилось большое фотообвинение под названием «Как очковтиратели побили рекорд».

Через два дня, не вынеся позора, директор уволился по собственному желанию.

А Слава Мороз до сих пор мучится вопросом: случайно разоблачил их корреспондент, или он все знал заранее и немного хитрил?

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ДУША

Пока трудовой героизм в цехе металлоконструкций измеряли только процентом выработки, все было спокойно. Семен Чибис, талантливый старший нормировщик, играл главную роль при подведении итогов соревнования.

Жизнь шла так, как будто она была разлинована оранжевым Чибисовым карандашом. Кончился месяц — вывели цифры, определили передовиков и дело с концом.

И вдруг все стало по-другому.

На предсменном собрании Юрий Сырников, сварщик, ни с того ни с сего закричал:

— А почему Пилюгу опять на Доску почета повесили?

Этот Сырников — несолидный парень. Вечно трещит, как пулемет, или хохочет без причины. Однажды до того затараторил, что вместо: «Я — Юрий Сырников» «Я — Сырий Юрников» закричал. Теперь все его не Юрием, а Сырием зовут.

Семен Чибис встал и с достоинством ответил:

— Когда ты, Сырников, на 123 и три десятых норму выполнишь, то на Доске почета будешь ты, а не Пилюга. А у тебя пока только 100 и три десятых.

— Да ты пойми,— закричал неугомонный Сырий,— пойми, арифметическая ты душа, что неподходящая он кандидатура. Прямо при нем скажу: плохой он в коллективе человек.

— Что верно, то верно,— подтвердил немногословный Аржанов.— Неуютно с тобой, Пилюга, рядом работать.

Чибис тотчас же хотел спросить, с хитринкой так спросить: «Что значит неуютно? Нельзя ли конкретнее?» Но никакой полемики не получилось.

— Уберем,— просто сказал начальник цеха, и собрание перешло к решению текущих вопросов.

Первый раз за много лет старший нормировщик почувствовал себя неуверенно. Когда все разошлись, начальник сказал:

— Ты, Чибис, старайся быть в курсе новых веяний. Надо не только счетами работать, но и головой.

На следующий день Семен Чибис спустился по крутым металлическим ступенькам, испещренным веселыми швами и точками электросварки, из конторы в цех. Он проделывал этот путь туда и обратно по нескольку раз в день. Но сегодня он спустился в цех принципиально по-новому: не для того, чтобы утрясти парочку цифр, а в порядке изучения «новых веяний».

Как это ни странно, вездесущий Юрий Сырников сразу это понял. Откуда-то сверху, с высоты мостовых кранов, раздался его насмешливый голос:

— Хо! Наконец-то наш старший и единственный нормировщик решил познакомиться со своим цехом.

Нормировщик поднял голову, чтобы достойно ответить, но в переплетениях металлических ферм он увидел не менее десятка защитных масок электросварщиков. Какая из них принадлежала Сырникову — определить было невозможно.

— Не сердись, Чибис, печенка лопнет,— раздалось сверху.

Раньше любую шутку Сырникова можно было выслушать снисходительно. Чибис вспоминал процент: 100 и три десятых. Это снижало любой юмор до уровня непритязательного зубоскальства. Но сегодня нормировщик почувствовал, что шутка имеет, так сказать, самостийное значение. Вне зависимости от процента.

Чибис мужественно продолжал осмотр цеха. Он разговаривал с людьми и с досадой убеждался, что Сырников был прав: многое он узнавал впервые. И то, что он узнавал, его удивляло. Там взяли на поруки безнадежного пьяницу, выполняющего норму на 37,2 процента. На механическом участке сократили двух крановщиков. Решили сами за них работать. Бесплатно.

Иван Гапонец, монтажник-верхолаз, отказался получать дополнительную оплату за обучение новичков.

— Это я не могу,— сказал он.— Совесть рабочая не позволяет.

А еще через несколько дней цех решил соревноваться за звание коллектива коммунистического труда. Все было не так, как раньше, и старший нормировщик понял, что надо срочно поднимать авторитет фирмы «Чибис и К^{0}», оказавшейся на грани банкротства.

...Ночь Чибис провел беспокойно. На рассвете он встал, зажег свет и сел за письменный стол. Трижды прав тот, кто впервые сказал: утро вечера мудренее. Именно на рассвете повеселевший Чибис совершил открытие. «Таблица учета производственных и морально-бытовых показателей соревнующихся» — так называлось оно.

Никогда еще сложные человеческие взаимоотношения не были отражены так гениально просто и в то же время точно. В «Таблице» было шестнадцать пунктов. Эти пункты давали исчерпывающую характеристику каждому монтажнику. За положительные качества человеку начислялись плюсовые очки. За отрицательные — минусовые. К примеру. Выполнил норму выработки — плюс 20. Ходит в школу рабочей молодежи — плюс 15. Курит — минус 10. Пьет — минус 20. Пьет, но не курит — минус 15. И так вплоть до таких тонкостей, как помощь жене (плюс 10) и правильные взаимоотношения с соседями по квартире (плюс 5).

Простая сумма всех этих показателей и давала искомое: производственное и морально-бытовое лицо человека. Такого еще не было ни в одном цехе. Ликующий Чибис свернул ватман в трубочку и помчался к начальнику цеха. «Шестнадцать пунктов, шестнадцать пунктов»,— пело что-то в чибисовой душе.

— У себя?— спросил он секретаря, кивая на дверь начальника.

— Да. Петр Павлович с монтажниками составляют комплексные планы механизации на каждом рабочем месте.

— Комплексные? На каждом?

— Да. Вы входите...

Но Чибис уже бежал обратно в свою конторку.

— Как же это я?— шептал он в отчаянии.— Не предусмотрел технического прогресса!

Дрожащей рукой Чибис очинил оранжевый карандаш и начертил еще две графы. «Выполняет план комплексной механизации — плюс 15...»

— А рационализация?

Нормировщик прибавил еще две графы. «Член Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей — плюс 10. Нет — минус 10». А если не член, а внес рацпредложение?

— Надо посоветоваться с Аржановым. Он, кажется, возглавляет это дело.

Чибис спустился в цех.

— Не видели Аржанова?

— Он уже ушел. Они сегодня всей бригадой в университете культуры...

Чибис снова поднялся к себе. Родились еще две графы: «посещает университет культуры — плюс 15. Не посещает...»

Рабочий день конторских работников давно кончился, а старший нормировщик все сидел, мучительно припоминая все новые плюсы и минусы. Когда он далеко за полночь шагал домой, «Таблица» разрослась до 28 пунктов.

На следующий день, придя на работу, он взял новый лист бумаги и расчертил его уже на 34 графы.

— Теперь все,— радовался Чибис.— Покажу «Таблицу соревнующихся» начальнику цеха. Пусть узнают, каков Семен Чибис.

Но по дороге к начальнику на кузнечном участке он увидел Сырникова. Сварщик большими клещами

ловко поворачивал розовую прозрачную болванку, а кузнец Борщер ревниво наблюдал за ним и говорил в такт ударам молота:

— Так, так, так, так.

— Категорический привет!— закричал жизнерадостный Сырий и вытер с лица пот.

— Что это ты кузнецом заделался?— спросил Чибис.

— А ты разве не знаешь, что мы обязались овладеть вторыми профессиями?

— Овладел второй профессией — плюс 15. Не овладел — минус 15.

— Что ты говоришь?

— Это я так, про себя...

— А-а-а. А то мы вчера приходим в детдом, мы там ребятам автомобиль помогаем собирать, а один...

— Посещает подшефный детдом — плюс 10. Не посещает...

— Что?

— Да нет, ничего. Ну, пока...

К вечеру пунктов стало сорок восемь. На следующий день прибавилось еще шесть. Еще через день старший нормировщик лихорадочно вписывал в «Таблицу» новые пункты. «Участвует в сборе средств на подарок ко дню рождения друзей — плюс 10». «Ходит в кино с бригадой и женой — плюс 5».

Именно в этот день в его душу впервые заглянуло сомнение: можно ли выразить цифрой все, что делает, чем живет, думает и дышит человечество? Пунктов было уже 82. Правда, последние смущали: «идет в ногу с коллективом — плюс 15. Не идет — минус 15...» Чибис вытащил цветной платок и вытер лицо...

На следующий день бригада монтажников Аржанова получила письмо от птичниц подшефного совхоза, в котором был вызов на соревнование. Чибис вписал новый пункт: «Соревнуется с подшефными птичницами — плюс 10. Не соревнуется — минус 10».

Потом пришла многотиражка, в которой сообщалось, что сварщик цеха металлоконструкций Беглецов С. И., проходя мимо замерзшего городского пруда, заметил в проруби и так далее.

— Что же мне писать очередным пунктом? «Вытащил мальчишек из проруби — плюс 10...» Боже мой!

Дверь открылась, вошла секретарша и сказала, что Чибиса вызывает к себе начальник цеха. Петр Павлович положил телефонную трубку и сказал:

— Ты что-то от вопросов соревнования отклонился. Сидишь, на счетах щелкаешь. Кого бы ты предложил на Доску почета?

— Сырникова, Юрия Сырникова, Петр Павлович,— ответил нормировщик.

— Процент выработки высокий?

— Да. Он в этом месяце 120 процентов дал. Но дело, Петр Павлович, не только в цифре. Как он работает! Учится! Второй профессией овладевает. Рационализатор. В быту ведет себя прекрасно. Хороший парень, одним словом.

— Гм,— сказал начальник,— гм. А еще говорят, что ты арифметическая душа, за цифрами не видишь человека. А ты так душевно сказал про товарища. Молодец, Чибис.

Нормировщик вернулся к себе в конторку, разорвал «Таблицу» и спустился в цех. Просто так, поговорить с людьми, узнать что-нибудь новенькое...

ТРЕЛИ СОЛОВЬЯ

Сценка

За столом председатель ученого совета и оппонент. На кафедру поднимается диссертант.

Председатель. Товарищи! Вашему вниманию предлагается диссертация на тему: «Шепот, робкое дыхание, трели соловья в творчестве Афанасия Фета». Есть вопросы у членов ученого совета? Нет? Пожалуйста, товарищ диссертант.

Диссертант. Прежде чем приступить к защите моей диссертации, разрешите мне поблагодарить члена ученого совета, оппонента, оказавшего мне неоценимую помощь. Хочу выразить... (пожимает руку оппоненту). Уважаемые товарищи! Тема шепота, робкого дыхания и трелей соловья взята мной не случайно. Эта тема волновала меня с детства. Соловей — это небольших размеров птица, коренной особенностью которой является пение. Это было отмечено еще древними римлянами, которые говорили: «Люсциниа парва, сед вокс магна», что означает: «мал соловей, но голос велик». Именно о соловье говорил великий русский баснописец Крылов: «...защелкал, засвистал». Глубокими корнями уходит тема соловья, этой, каза-

лось бы, скромной птицы, питающейся козявками и муравьиными яйцами, в толщу устного народного творчества. Однако мы вынуждены сегодня со всей ответственностью и с сожалением признать, что на определенном этапе исторического развития соловьи играли реакционную роль. Вы, наверное, уже догадались, что я имею в виду Соловья-Разбойника, агента Кощея Бессмертного. Однако народный характер соловьиного пения для нас совершенно ясен.

Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет...

Председатель. Простите, а почему вы поете на кафедре?

Диссертант. Я привел цитату.

Председатель. Канареечка — это особая тема. Вопросы есть у членов ученого совета? Нет вопросов? Слово предоставляется официальному оппоненту.

Оппонент. Товарищи! Диссертант, лично мне кажется, собрал и обобщил богатый фактический материал. Однако в его работе имеются крупные недостатки. Тема соловья обращена у диссертанта в прошлое, в то время как необходимо повернуть соловья лицом к нашей, лично мне кажется, кипучей современности. Тенденция к голому академизму проявилась у автора диссертации и в том, что он, диссертант, на странице первой, на странице второй, на странице третьей, на странице четвертой, на странице пятой...

Председатель. Простите, не ясно, что вы хотите сказать?

Оппонент. Я хочу сказать, что работа на странице первой, на странице второй, на странице третьей...

Председатель. Вы скажите от и до.

Оппонент. Что работа от страницы первой до страницы сто двадцатой состоит из сплошных цитат. На остальных двадцати страницах диссертант перечисляет список использованных работ... К этому надо прибавить также вопиющие ошибки в языке диссертации. Автор пишет на странице тридцать седьмой: «Бабушка дедушки, лично знавшего тетушку племянника поэта, говорит в своих воспоминаниях о встрече с внучкой шурина»... и так далее. В результате небрежности ускользает важная мысль о близости поэта к двоюродному дедушке, у которого, как известно, и жил вышеизложенный соловей. Совершенно очевидно, что здесь надо было написать не «бабушка дедушки, лично знавшего», а «дедушка бабушки, лично знавшей».

Голос из зала. Позвольте задать диссертанту вопрос. Имеет ли его работа практическую ценность?

Диссертант. Безусловно. Представьте себе, товарищи, такую картину: доярка, назовем ее доярка Икс, слышит пение соловья. Что происходит далее? Доярка Икс начинает вздыхать. Сначала робко, а потом все более и более интенсивно. А соловей между тем продолжает петь и петь. Отсюда резкий рост продуктивности. Далее. Мне удалось установить, что петухи не являются певчими птицами. Поэтому я предлагаю на колхозных птицефермах заменить совершенно бесполезных петухов соловьями, в расчете по три соловья на сто гектаров пашни.

Оппонент. Я считаю, что ученый совет должен отметить огромную работу, проделанную диссертантом в изыскании архивных материалов о соловье, шепоте и, в особенности, о робком дыхании...

Диссертант (поет).

Со-ло-вей мой со-ло-вей,
Го-ло-систый со-о-о-ловей...

Председатель. Вторично делаю вам серьезное предупреждение. (Оппоненту.) Продолжайте, пожалуйста.

Оппонент. ...Считаю необходимым диссертацию в корне переработать: на странице первой, на странице второй, на странице третьей...

Председатель. От и до?!

Оппонент. От страницы первой до страницы сто двадцатой исправить вопиющие ошибки, выразившиеся в том, что он перепутал дедушку с бабушкой.

Председатель. Вопросы есть у членов ученого совета? Нет вопросов? Объявляется пятиминутный перерыв. После перерыва — защита диссертации на тему: «Канареечка жалобно поет».

ОСЕЧКА

Двенадцать лет Егор Иванович Сиднеев возглавлял кирпичную фабрику. Но в один прекрасный день эту фабрику по причине бурного развития крупнопанельного домостроения закрыли, а Сиднеева

перебросили на другую, тоже руководящую работу. Он оказался заведующим городским швейным ателье «Художественное».

Было ясно, что новому руководителю потребуется определенный срок, чтобы переключиться со шлакоблоков и кирпича на полушерсть, драп и ситчик. Поэтому сотрудники ателье старались решать сложную проблему соответствия формы платья богатому духовному содержанию заказчиков, минуя кабинет нового заведующего.

Егор Иванович догадывался об этом и страдал. Страдал не только от уязвленного самолюбия, но и от безделья. Временами ему становилось просто страшно в большом пустынном кабинете наедине с голым манекеном. Манекен смотрел на нового заведующего нарисованным глазом и, казалось, упрекал:

— Бездельничаешь, Сиднеев?

Поэтому Егор Иванович искренне обрадовался, когда однажды в его кабинете раздалась веселая телефонная трель. Он поднял трубку и услышал баритон вышестоящего товарища.

— Где это ты запропастился, Сиднеев? Телефон, что ли, сменил?

— Сменил, Сан Саныч, сменил.

— Напряженно с планом?

— Напряженно, Сан Саныч.

— Я понимаю: конец полугодия...

— Конец, Сан Саныч, конец.

— Конец-то, конец, но ты все-таки отгрузи в наш адрес двенадцать контейнеров. Постарайся.

— Сделаю, Сан Саныч! Запарились совсем. Не могу за всем уследить. Сегодня же отгрузим.

— Ну, хорошо. Жду. Бывай здоров...

Одной рукой Егор Иванович вытирал платком обильный пот, выступивший на лбу, а другой звонил секретарше.

— Техрука,— отрывисто бросил он.

Секретарша скрылась.

— То-то же,— сказал Егор Иванович и выпрямился в кресле. Таким он нравился сам себе. Он действовал. Он руководил.

Вошел технический руководитель ателье — лысоватый молодой человек в пестром костюме и полуботинках острых, как сабля. Он был энтузиастом легкой промышленности и считал своим долгом лично пропагандировать новейшие моды.

— Садитесь,— начал издалека Егор Иванович.

Техрук сел.

— Как с планом?

— По предварительным подсчетам процентов 108 дадим за первое полугодие.

— Никогда впредь,— назидательно сказал Сиднеев,— не замазывайте мне глаза общим количеством выполнения плана. Меня всегда интересовал ассортимент керамических... э-э... швейных изделий. Надо идти в ногу с требованиями времени. Где двенадцать контейнеров по личному заказу Сан Саныча?

— Сан Саныча? Не знаю такого заказа.

— Утеряли квитанцию?!— побледнел Егор Иванович.

— Нет. Но почему контейнеры, да еще двенадцать?..

— Безответственность!— закричал Сиднеев.— Идите и немедленно дайте команду об отгрузке.

— Но, Егор Иванович!..

— Я лично прослежу!

— Егор Иванович, дело в том...

— Разговор окончен. Выполняйте приказ!

— Его...

— Молчать! Сейчас же прекратите саботаж!

Техрук оскорбился до глубины души.

— Хорошо,— сказал он зловеще.

...Через полчаса техрук передал через секретаршу, что погружены десять контейнеров, а готовой продукции больше нет.

— Грузить все!— непримиримо закричал Сиднеев.— Все, чтобы было двенадцать!

В контейнеры сложили только что раскроенные ткани, нитки, иголки, подкладочную вату, конский волос для пиджачных бортов, пуговицы и утюги. Мастера остановили работу. Это их не удивило. После прошлогоднего пожара добровольная пожарная дружина ателье регулярно репетировала эвакуацию людей и оборудования по сигналу «Первый дым».

Егор Иванович лично подписал путевые листы шоферам.

— Ну как?— сказал он манекену.— Кто тут сбрасывал Сиднеева со счета?..

И снова зазвонил телефон. Из уважения привстав, Егор Иванович поднял трубку.

— Слушай, Сиднеев, ты что это шутки разыгрываешь?

— В смысле чего, Сан Саныч?

— В смысле модных дамских платьев! Откуда ты все это понабрал?

— Работаем. Стараемся. Шьем, Сан Саныч.

— В каком смысле шьете? Ты где работаешь, Сиднеев?

— Ателье «Художественное».

— А-а-а! Ну, извини, осечка произошла. Я к тебе по старой памяти, как к кирпичному королю. Нам тут ремонтировать печи надо...

Сиднеев повесил трубку и снова остался в своем кабинете совсем один. Один, если не считать манекена. Егор Иванович смущенно пощелкал его по животу и задумался. До пенсии ему оставалось еще почти три года, и было не совсем ясно, что делать в оставшийся срок...

В РАЗРЕЗЕ ВАГОНОВ

Вася Елизаров сидел в фойе телестудии и изо всех сил убеждал себя мысленно: «Только не волноваться, Василий!»

А как было не волноваться! Первое выступление по телевидению. Он усиленно забормотал:

— Ранним утром собрались мы в сквере перед проходной завода. Утро было прозрачное, как чистое стекло...

— Прекрасно,— сказал подошедший режиссер,— прекрасно:— «прозрачное утро». Побольше образности, сравнений, метафор и, я не боюсь этого слова, гипербол. Но, с другой стороны, какое имеет значение для истории ранним утром вы собрались или поздним вечером? Ближе к сути дела.

Режиссер пристально оглядел Васю с ног до головы, прищурил глаз и спросил:

— Текст, наверное, написали?

— Да.

— Дайте его сюда. Видите: рву и бросаю в корзину. Неужели вы не знаете, что чтение по бумажке противопоказано телевидению?

Василий этого не знал. Наоборот, он считал, что телевидение — это как раз и есть чтение по бумажке.

— Вы когда-нибудь видели,— продолжал режиссер,— чтобы Цицерон, лорд Пальмерстон или адвокат Кони говорили по бумажке?

Вася этого никогда не видел.

— То-то же! И не волнуйтесь. Вас будут слушать восемь миллионов, а вы дрожите. Тема-то у вас какая! В каком разрезе вы собрались рано утром?

— В разрезе... воскресника по разгрузке вагонов.

— М-м-м... такая интересная тема, а вы шпаргалку. Валюша,— позвал он ассистента,— займитесь с выступающим, а я пошел на пульт.

Режиссер ушел в буфет, а Валюша сказала:

— Давайте.

— Мы собрались в разрезе комсомольского воскресника,— начал Вася.— Всем было весело. Гриша, наш комсорг, замечательный парень, говорит: «Пошли разгружать вагоны». И мы пошли. Работали здорово.

Никто не ленился, а даже наоборот. Понимаете, ведь за простой этих вагонов наш завод платил железнодорожникам огромные штрафы. Гриша залез на гору ящиков и вдруг кричит нам: «Ребята! Что вы думаете, я тут нашел?» Мы давай высказывать всякие предположения, но никто угадать так и не смог. Оказывается, там целый вагон был закопан. Простоял он так 28 дней и, конечно, нагорел заводу колоссальный штраф...

— Такие замечания,— сказала Валюша.— Во-первых, «всем было весело». Какое это имеет...

— ...значение для истории,— подсказал Вася,— весело нам было или грустно.

— Совершенно верно. Во-вторых, «работали здорово» — это не показатель. Назовите проверенную цифру. Наконец, «комсорг Гриша». К чему это фамильярное потрепывание по спине? И вообще некоторая легковесность. Слабо, товарищ Еле... Ели...

— ...заров.

— Вот именно. Берите пример с опытных выступающих, с натуралиста Козодоева, например.

Валюша кивнула головой на стоявший в фойе контрольный телевизор. Выступал мужчина, начиненный самоуверенностью, как конденсатор электричеством.

— Я в части воскресного отдыха,— говорил «конденсатор».— Вчера выезжал на природу. Есть некоторые успехи. Например, в разрезе птиц перевыполнение: соловей, кукушка, ворона и ряд других. Поют, свищут. С рыбой не все продумано: не всегда клюет. Есть упущения и с погодой. Ветер, дождь, молния и ряд других. Пора с этим покончить...

Несомненно, лорд Пальмерстон гордился бы такой речью по телевидению. Такой песнью о природе! Вася

огляделся по сторонам: неужели это и есть образец выступления?

— Простите, а у вас что?— как спасательный круг бросил он вопрос сидевшей поблизости обаятельной девушке с глазами газели.

— Я из санэпидстанции,— сказала она интимно, как учил ее режиссер.— В разрезе летнего замушения.

Последовала пауза.

— Ж-ж-ж?— наконец догадался Вася.

— Да. Мухи — очень важный вопрос.

В тишине фойе раздался испуганный крик:

— Елизаров! В студию!

В то же мгновение Вася оказался в центре внимания, по крайней мере, двух десятков жрецов и жриц искусства телевидения. Кто-то поправлял ему галстук, его причесывали, гримировали, прихорашивали. В конце концов он оказался за столом под сильным светом прожекторов. В самое лицо Василию уставился гипнотизирующий глаз объектива...

Из-за камеры выглянул худой человек в наушниках и сказал тихо, просительно:

— Не вертись ты, как ворона на колу. Ни черта резкости не наведешь с такими выступающими!

— Приготовиться всем! Тишина! Начали!— громоподобно объявили голосом режиссера большие динамики.

Вася почувствовал, что лицо его вытянулось. На камере зажегся красный огонек. Вася воспринял это, как сигнал окаменелости. Сколько это продолжалось, неизвестно. Наконец до него донесся свирепый шепот:

— Говорите!!

Еще через некоторое время Вася с изумлением услышал свой собственный голос. Этот голос говорил:

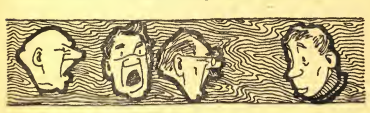
— Я в разрезе борьбы с излишними перепростоями подвижного состава...

Перед Васиными глазами встало замечательное воскресное утро и веселые лица комсомольцев. Маша, фрезеровщица из механического, смотрела на него и улыбалась. Мокрые от ночного дождя блестящие рельсы убегали вдаль, в страну Романтику.

Но другой Вася, незнакомый, противный, вещал:

— Имел место случай двадцативосьмидневного ненахождения одного из вагонов. Всего уплачено одна тысяча 845 и две сотых рубля штрафов. Механизмы простаивают, а рабочие разгружают вагоны врукопашную. Нет, не хочет наша дирекция идти в одну ногу...

СООТВЕТСТВУЮЩИЙ РЕЗОНАНС

При обсуждении перспектив дальнейшего движения вперед директор завода сказал:

— Надо бы для нашей замечательной молодежи хорошенький стадион отгрохать. Пусть себе пинают от души.

Слова руководителя внушительным эхом пронеслись по всем маршам служебной лестницы, вызывая соответствующий резонанс.

На ближайшей отчетной конференции председатель завкома профсоюза (дипломированный канцелярский лирик) поднялся на трибуну и покаялся:

— Нами было допущено отставание по спортивному сектору. С одной стороны мы имеем молодежь. А с другой — отсутствие стадиона. Надо наладить контроль за выполнением этого недочета.

Начальник механического цеха, человек прямой, как болт, не любил противоречий. На цеховом собрании он дал происходящему уставно-точную формулировку:

— С молодежью у нас недочеты. Надо ликвидировать это узкое место.

— Правильно!— поддержал его инженер по оборудованию, известный тем, что печатно отрицал значение поэзии в знаменитом споре физиков и лириков.— Правильно! Производство мы автоматизируем, а в вопросах воспитания молодых рабочих плетемся под «Дубинушку». Надо поставить перед ВОИР (Всесоюзным обществом изобретателей и рационализаторов) вопрос о создании счетно-решающего устройства, очищающего территорию завода от начинающих пьяниц, прогульщиков, лодырей и донжуанов.

Начальник смены понял все буквально и рассердился:

— Такие безобразия мы терпеть не будем! Крепко дадим по рукам всей той молодежи, которая не дорожит высоким званием молодежи. Знай, худая трава, свой шесток!

На последней площадке служебной иерархии мастер, человек действия, вызвал к себе молодого вечно улыбающегося слесаря Мишу Ситникова и спросил:

— У тебя, Миша, было опоздание в прошлом году?

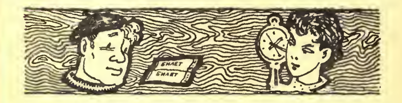
— Было,— ответил наивный Миша и застенчиво улыбнулся.— Из-за трамвая. Всем коллективом меня прорабатывали.

— Вот и хорошо,— сказал мастер.— Пиши заявление. По собственному желанию, пока я добрый...

Видели двух дружинников, выводящих упирающегося Мишу Ситникова из проходной завода. Навстречу им попалась директорская «Волга». Дружинники козырнули и четко отрапортовали.

— По вашему приказу, товарищ директор...

ПЯТЬ МИНУТ НА КЛЯУЗУ

Крановщик Михаил Чипуштанов, парень тяжелоатлетического сложения, сидел за столом. Перед ним лежал чистый лист бумаги. А над бумагой Чипуштанов занес такой огромный кулачище, что зажатая в

нем авторучка, казалось, пищала от ужаса. Лоб великана был покрыт мелкими каплями пота, а глаза блуждали. По всему было видно: человек приготовился к письменному изложению своих мыслей.

Нина Скуратова, молодой техник, рядом с крановщиком выглядела рюмочкой из богемского стекла. Чтобы не качаться от его дыхания, она держалась за новенький сверкающий никелем хронометр.

— Неправильно! — свирепо произнес Чипуштанов.

— Не будем препекаться,— сказала Нина.— Я вам дала пять минут, вот и пишите свою кляузу.

Недвусмысленно щелкнул хронометр.

— И напишу,— сказал Чипуштанов. Его кулак отнес авторучку в верхний угол листка, и неожиданно легко на бумаге возникли первые строки следующего шедевра эпистолярной литературы:

«Начальнику цеха Сидорову М. М.

Довожу до вашего сведения, что больше не намерен терпеть всю сумму оскорблений при хронометраже меня со стороны Скуратовой Н.

Во-первых, несправедливо.

Во-вторых, я на кране сижу девятый год, и не ей с секундомером меня засекать...»

— Я на кране — девятый год!— вслух повторил Чипуштанов.

Скуратова молча указала пальцем на бегущую по циферблату секундную стрелку.

«Все понимают,— письменно продолжал истец,— что хронометраж — дело нужное: личный резерв каждого рабочего и прочая производительность труда. А что делает Скуратова Н.? 32 процента — простой крана из-за отсутствия металла, 19 процентов — выру-

бали электроэнергию. Это еще как-нибудь лезет в ворота. Но она в своем блокноте — это я лично видел — пишет: восемь с половиной процентов — отсутствие на рабочем месте. Тут уж глаза на орбиту вылазят!..»

— А ты видала, какая у нас в буфете очередь?— вновь перешел на устную речь крановщик.

— Не надо было в домино играть.

— Ишь куда загнула! Что же я по-твоему должен был игру бросить на 94 очках? Не знаю, может быть, теоретически вас так в техникуме учили. Но все знают, что теория без практики мертва.

Чипуштанов снова склонился над листком и застрочил с остервенением:

«Указанная выше Скуратова Н. при всех сказала, что надо беспощадно увольнять с завода бездельников и их покровителей. На конкретно поставленный вопрос, кого она имеет в виду, она ответила, что подразумеваются я и начальник цеха. То есть, извините, это вы, Михаил Михайлович.

И это после того, как она всего два месяца работает на нашем заводе. А что будет через год-другой? Она (это, конечно, шутка) начнет увольнять министров!»

— Повыше люди штатное расписание утверждали. Надо понятие иметь.

— Совесть надо иметь, товарищ Чипуштанов.

— Ты меня не кори. Я свои обязанности честно выполняю.

— На 27 процентов. При вашей комплекции.

«Видите ли — налег на перо крановщик,— она утверждает, что можно совместить должности крановщика и электрика. Это с ее стороны заблуждение. Во-первых, не положено. А, во-вторых, я эту Нинку с дет-

ства знаю. Как была она змеей, так и остается. Когда вчера я к ней пришел с двумя билетами в кино...»

Чипуштанов поморщился. Официальный документ безнадежно испортила интимность.

Крановщик снова прибегнул к личному убеждению:

— Я с твоим предложением не согласен.

— Про домино думаете? Если 31 процент занятости электрика да ваши 27 вместе сложить, то еще и на домино останется.

— А как в смысле кино?

Последовала пауза. Ее можно было истолковать в том смысле, что после напряженного трудового дня можно было бы и культурно отдохнуть.

— Ну и змея ты, Нинка,— сказал крановщик, улыбаясь.— Шут с ним. Оформляй, как мое рацпредложение. Совмещу.

Он взял кляузу и смял ее в своем могучем кулаке.

К ВОПРОСУ О БОЛТЕ

Сценка

За столом сидят четверо.

Председатель. Товарищи, попрошу тишины! Вопрос исключительно серьезный. Мы даже реши-

ли провести не обычное, а выездное заседание: мы вынесли наш стол прямо сюда, на улицу, и будем решать вопрос здесь, где все это и произошло. Прошу, товарищ Беленький, доложи историю вопроса. Только так: без всяких прикрас, как ты любишь это делать. Режь давай чистую правду!

Беленький. Началось все во время декады по сбору металлического лома. Двое молодых рабочих Чижиков и Зябликов нашли на территории завода на этом самом месте вот этот металлический болт. Все видят? Только просьба руками не трогать, чтобы не нарушить его расположения относительно главной оси генерального плана завода, иначе мы его потеряем. И так кое-как нашли к данному заседанию. Тогда же Чижиков и Зябликов выступили с ценной инициативой. Они поставили вопрос о необходимости использовать этот болт в качестве металлолома, столь необходимого нашим героям-металлургам, самоотверженно стоящим на вахте в честь достойной встречи...

Председатель. Товарищ Беленький, ближе к сути дела. Когда впервые нашли болт?

Беленький. Точную дату назвать не могу, потому что инициаторов движения за этот болт Чижикова и Зябликова призвали в ряды Советской Армии.

Председатель. Когда призвали?

Беленький. Скоро демобилизуются.

Председатель. Продолжайте.

Беленький. Дирекция завода немедленно была поставлена в известность с точным указанием координат болта. Однако и по сей день, как видите, болт ржавеет под открытым небом. Мы сделали все со своей стороны. Подготовлены три спецвыпуска стен-

ной газеты и эстрадное обозрение агитбригады на тему о болте. Выпущено тринадцать с половиной «молний».

Председатель. Почему вы улыбаетесь, товарищ Глушков? Какой может быть смех, когда мартены нуждаются в металлическом ломе!

Глушков. Ха. Он говорит: «тринадцать с половиной «молний».

Беленький. Я объясню. Дело в том, что последнюю «молнию» от сентября прошлого года сорвали несознательные хулиганы, не дав ей провисеть и двух месяцев. На специальном заседании мы приняли особое постановление считать эту «молнию» за пятьдесят процентов.

Председатель. Так что, товарищ Глушков, ваши улыбки и даже смех я отношу за счет того, что вы у нас недавно. Все мы: и я, и товарищ Беленький, и вот товарищ Семенова тоже когда-то улыбались.

Беленький. Хулиганы хотели вообще затоптать наш болт, а один раз даже чуть не сдали его неорганизованно в металлолом. Если мы и впредь будем заниматься попустительством в отношении злейших врагов нашего общества — хулиганов, являющихся родимыми пятнами проклятого прошлого, если под ними не загорится, наконец, земля...

Председатель. Товарищ Беленький! Еще одно предупреждение! Держись ближе к болту.

Беленький. Мы сигнализировали о болте во все общественные организации города.

Председатель. Во все ли?

Беленький. Во все. Меня товарищ Семенова проверяла по телефонной книге.

Председатель. Ответы получены? (Пауза). Товарищ Беленький, ответы получены?

Беленький. Да. Не все, правда.

Председатель. Сколько точно?

Беленький. Из 160 опрошенных организаций пока ответили восемь. Из этих восьми три ответа я рассматриваю, как формальные отписки.

Председатель. Так. А остальные?

Беленький. Остальные пять я передал в органы прокуратуры, как оскорбление моей личности.

Председатель. Может быть, вы неясно изложили суть дела?

Беленький. Нет, Ясно, на шести с половиной страницах.

Председатель. Протоколы наших заседаний прилагали?

Беленький. Нет.

Председатель. Надо приложить.

Беленький. Но ведь это... (показывает четыре пухлых папки).

Председатель. Приложить.

Беленький. Тогда надо обратиться с ходатайством к дирекции завода о выделении в наше распоряжение машинописного бюро, по крайней мере, из пяти человек.

Председатель. И добьемся! «Мартены ждут»,— так писал на днях «Уральский рабочий». Товарищ Семенова, докладывайте.

Семенова. Мне было поручено изучить ценный опыт пионеров по сбору металлолома. Я посетила девять дружин. Опыта не нашла.

Председатель. Как так?

Семенова. Скрывают. В 11-й школе вообще смеялись. В 16-й мне удалось завязать индивидуальную беседу с учеником 6-го «Б» Васей Свиридовым. Он мне сказал: «Никакого опыта у нас нет. Просто наш отряд взял и собрал 30 тонн металлолома». Когда я стала настаивать... Одним словом, я считаю, что по линии воспитательной работы с пионерами допущены большие ошибки. Просто руки опускаются. Если бы не сознание моральной ответственности...

Председатель. Почему упадочнические настроения? Где наш молодежный задор! Где трудовой энтузиазм?

Глушков. Может быть, объявить общезаводской субботник?

Председатель. Это хорошая мысль, но она не нова.

Семенова. Мы проводили в прошлом году субботник, но болта убрать так и не смогли. Мандатная комиссия зафиксировала в протоколе, что на субботнике присутствовало восемнадцать человек четырех национальностей. Из них один был ответственный за субботник, двое готовили горячий завтрак, а остальные — художественное обслуживание. Так что работать было некому.

Глушков. Тогда может быть вместо заседания взять нам самим этот самый болт поднять его и сдать?

Председатель. Всему есть предел! Объявляю заседание закрытым. Следующее заседание завтра. Повестка дня: «О попытке товарища Глушкова внести в нашу деятельность кустарщину и авантюризм».

УДАР В БОГА

Все смешалось в швейной артели «Трудовик». Встревоженный председатель Юрий Серафимович Казаков с раннего утра развил бурную деятельность. Звонок к секретарше визжал требовательно и непрерывно, как поросенок, оставленный без завтрака. В десять ноль-ноль, чтобы обсудить создавшееся положение, собрался командный состав артели.

— Товарищи, вы знаете в чем дело,— без обиняков начал Юрий Серафимович.— Работница закройного цеха Анфиногенова допустила акт религиозного обряда. Проще говоря, крестила сына. Какой вывод из этого можно сделать? Враг не дремлет. Он распускает по территории артели свои ядовитые щупальцы. Отчитаемся по цехам, что сделано в порядке борьбы с опиумом для народа. Начнем с первого.

Начальник первого цеха Шустов встал и сказал:

— Мы думаем в виде отклика пойти всем коллективом на премьеру спектакля «Сильва» в театр музыкальной комедии.

— Все?

— Пока да.

— Слушай, товарищ Шустов,— сказал председатель.— Я помню, в прошлый раз, когда речь шла о борьбе с прогулами, вы ходили в культпоход на «Свадьбу в Малиновке». Когда вы завалите государственный план, я рекомендую вам посмотреть «Баядерку». Впечатляет. Закройный цех.

— Я!— четко ответил начальник закройного цеха.— Весь численный состав нашего коллектива готов выйти на исходные рубежи для наступления на злейшего врага нашего дальнейшего...

— Господи! Что это?— взмолился Юрий Серафимович.— Злейшего... Дальнейшего... Я собрал вас, чтобы вы дело предлагали, а не философствовали. Мы должны нанести конкретный удар в бога. Начальник ОКСа, вы выделили бригаду для написания лозунга?

— Нет. Маляры красят пол в яслях. Пусковые дни.

— Который год вы меня изводите пусковыми днями на яслях? Вам что куклы-неваляшки дороже нравственного здоровья коллектива? Снять маляров и бросить на лозунг.

— Какой текст?

— Лучше всего из Маяковского. Против бога, но деликатно, стихами, не оскорбляя чувств верующих: «Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою отсюда и до Аляски». Изобразите соответствующий рисунок, и дело с концом. Рисунок сделайте покрупнее на дощатом транспаранте и отгородите им Анфиногенову от остальных членов бригады. Как она работает, кстати?

— Перевыполняет норму — отрапортовал начальник закройного цеха.

— Подарите ей именную «Библию для верующих и неверующих». Федя!

— Да,— отозвался Федя Быстров, секретарь комитета комсомола.

— Приводил лектора из университета?

— Да. Прочли прямо на рабочем месте. «Интегралы и религия».

— Ну?..

— Смеется. Типичный фанатизм.

— Какие еще меры принимать? Лекционная пропаганда — на уровне, наглядная агитация — обновляется. Что еще? Конкретно?

— Может быть,— предложил начальник ОКСа,— выставим красочный плакат у проходной. Что-нибудь вроде: «Товарищ! Проверь, не поддался ли ты религиозной пропаганде?»

— Тогда уж лучше: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»,— не без иронии продекламировал Юрий Серафимович.— Не надо нервировать коллектив. Достаточно уже того, что председатель артели наживает инфаркт на религиозной почве.

— Я ей, то есть Анфиногеновой,— сказал Федя,— вручил билет в Парк культуры на молодежное гулянье на тему «Религиозный дурман — прочь с дороги!».

— Это хорошо. Пусть погуляет на полезную для нее тему. Какие еще имеются эффективные меры борьбы с богом?

— Индивидуальная беседа,— сказал молчавший до сих пор начальник механического отдела.

— С кем? С богом?

Все засмеялись. Но когда вновь наступила тишина, механик пояснил:

— С Анфиногеновой, конечно.

Председатель так посмотрел на начальника закройного цеха, что впечатлительный Федя чихнул от холодных мурашек, которые пробежали у него по спине.

— Совещание окончено,— сказал Юрий Серафимович и вызвал секретаря.— Мне — парочку антирелигиозных брошюр. Я вечером почитаю. А на завтра ко мне Анфиногенову из закройного.

...На следующий день в кабинет председателя артели вошла молодая синеглазая женщина, застенчиво улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте. Я Анфиногенова. Вызывали?

— Садись,— сказал Юрий Серафимович, за грубоватостью скрывая некоторое смущение,— у меня, знаешь, Анфиногенова, времени нет на научные лекции: подготовка к зиме и прочее. Скажи мне прямо: как ты можешь верить, что земля стоит на трех китах?

— В каком смысле на китах?

— Ты со мной не хитри,— сказал Юрий Серафимович и погрозил пальцем.— Ты лучше мне ответь, куда бы девалась земля, если бы кит заболел?

— Кто заболел?

— Кит. Рыба.

— Как заболел?

— Обыкновенно: ушел на бюллетень. Что ж, потвоему земля в таком случае должна упасть? Куда упасть? Или другой вопрос: где находится рай?

— Юрий Серафимович,— заботливо сказала Анфиногенова,— может быть, вам лучше поехать домой? Доктор бы вас посмотрел, поставил градусник...

С минуту собеседники изучающе смотрели друг на друга. Потом Юрий Серафимович спросил:

— Ты зачем сына крестила?

— Яслей нет, Юрий Серафимович. А бабушка категорически сказала: если не окрестишь ребенка, нянчить не буду. Вот я туда-сюда... Ясли наши четвертый год строят...

— Идите, работайте,— сказал Юрий Серафимович.

Когда дверь кабинета закрылась, он поднял трубку и соединился с начальником ОКСа.

— Маляров сняли с ясель?— спросил он.— Нет еще? Ну и хорошо, не снимайте, пусть работают. Что? Как же удар в бога? Давайте так: у бога свои дела, у нас свои. В воскресенье будем ясли принимать. Если опять недоделки будут — пеняй на себя.

ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Сталевар Николай Петров второй месяц из смены в смену давал рекордные съемы стали. Над головой профорга мартеновского цеха Константина Чемоданова нависла угроза проведения мероприятия на тему «Обмен передовым опытом».

Другой испугался бы: дело сложное. Но не таков Константин Чемоданов. Он вывесил объявление, собрал всех в красном уголке и поднялся на трибуну.

— Товарищи! Я по части ростков нового. В любое время подойдите к нормировщику и спросите, у кого лучшие показатели по цеху? Что вы думаете он вам ответит? Он ответит: из трехсот членов профсоюза самые выдающиеся показатели у... э-э-э... сталевара Петрова. А вчера цеховая «молния» возвестила о том, что... э-э-э... этот сталевар дал рекордный съем стали. Как же нам не следовать примеру? Как не равняться? Как не гордиться? Не стыдно ли тем, кто погряз в консерватизме и держит опыт лучших под спудом?..

Вдохновенно говорил профорг Чемоданов. Но никому почему-то не стало особенно стыдно от профорговых слов. Только третий подручный с шестой печи Федя Птушко вздохнул и с притворным восхищением сказал:

— Вот здорово!

И всем стало ясно, что слова Птушко относятся не столько к работе сталевара Петрова, сколько к красноречию Чемоданова.

— Именно — здорово! — ни на секунду не смущаясь, подхватил реплику вдохновенный Чемоданов.— Глубоко прав предыдущий молодой товарищ! Как же нам не изучать прогрессивный передовой опыт? Как не внедрять? Как не беречь, не растить и не поднимать на щит?..

— Слышали уже,— рассердился пожилой мастер Борис Борисович.— Давай ближе к делу.

— К какому делу? — удивился профорг.— Ведь мы же обсуждаем важнейший вопрос о необходимости

всемерного распространения методов труда тех, которые...

— Да ты говори по существу. Какие методы?

Чемоданов на секунду осекся, но продолжал:

— Методы тех, которые все, как один, нога в ногу стали к огнедышащим печам и, не щадя ни сил, ни минуты времени...

— Зарапортовался Чемодан!— послышалось из зала.

— Да он, наверное, сам не знает, какие методы у Петрова!— радостно удивился Федя Птушко.

Докладчик вытер лоб платком и сказал:

— Добился успеха — помоги отстающим.

Это вызвало возмущение. Поднялся шум.

— Тише!— закричал профорг.— К порядку!

— Разрешите мне!— послышалось из зала.

— Кто это сказал? — полез в бутылку Чемоданов.

— Я,— ответил симпатичный парень из второго ряда.

— Я еще не кончил, а вы меня перебиваете! Не знаю вашей фамилии, молодой человек, но скажу вам прямо: тем, кто мешает сделать передовой опыт достоянием всех, мы крепко дадим по рукам!

— Извините,— застеснялся сталевар.

— Да он просто смеется,— вдохновившись вновь, зашумел с трибуны профорг.— Он мешает важному собранию. Он срывает выработку резолюции о необходимости всемерно расширять ряды тех, и в частности, ряды... эээ... Петровых, которые...

— Освободи трибуну и предоставь ему слово, Чемодан,— закричал кто-то голосом, закаленным в необозримых пролетах мартеновского цеха.

— Кому освободи?!

— Ему! Ему! Хватит! Коля, выходи на трибуну!

Молодой гонитель передового опыта из второго ряда встал и вышел на трибуну. Он заговорил, и в красном уголке восстановилась тишина. Он говорил 25 минут, и все его внимательно слушали. Дело в том, что это и был сталевар Петров...

А у профорга Константина Чемоданова теперь, по общему мнению, «чемоданное настроение». Раньше он в дни выдачи зарплаты поражал окружающих лихостью в сборе членских взносов. А сейчас и это свое любимое занятие бросил. Зачем стараться? Все равно переизберут...

СОДЕРЖАНИЕ

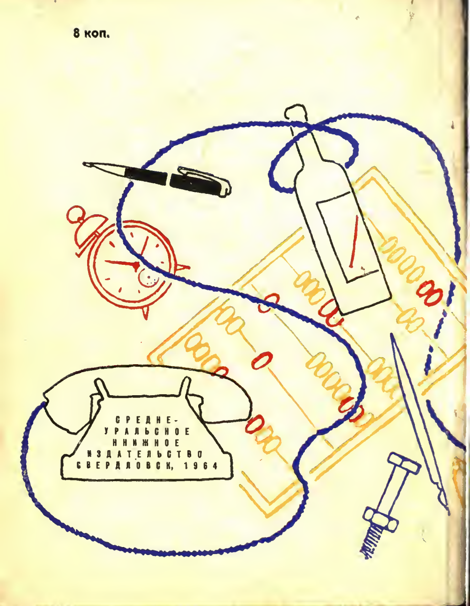
ВИБЕ ФЕЛИКС ИВАНОВИЧ

КТО МЕНЯ ОКЛЕВЕТАЛ!

Редактор **Т. Раздьяконова.** Художник **В. Бубенщиков.**
Художественный редактор **Я. Чернихов.**
Технический редактор **Н. Пальмина.** Корректор **С. Яковлева.**

Подписано к печати 12/VI 1964 г. Уч.-изд. л. 2,6
Бумага $70 \times 108/_{32} = 1{,}0$ бумажного — 3,4 печатного листа.
НС 21279 Тираж 30 000. Изд. № С-135. Заказ 339. Цена 8 коп.

Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, ул. Малышева, 24.
Тип. изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

8 коп.
СРЕДНЕ-
УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК, 1964